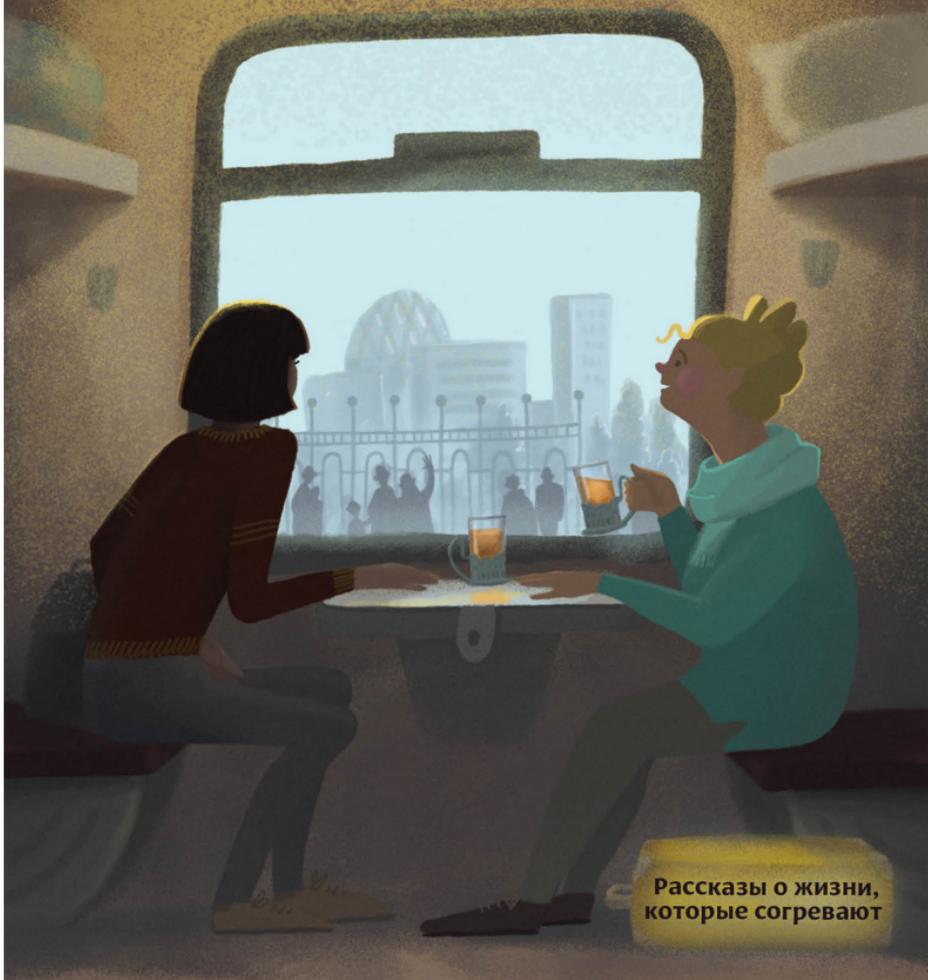

Ольга Савельева

Популярный блогер, автор книги
«Апельсинки. Честная история одного взросления»

ПОПУТЧИЦА

Рассказы о жизни,
которые согревают

Ольга Александровна Савельева
Попутчица. Рассказы о
жизни, которые согревают
Серия «Записки российских блогеров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30813353

Попутчица. Рассказы о жизни, которые согревают / Ольга Савельева:

Э; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-090222-4

Аннотация

Часто ли вы встречаете чудеса в обыденной жизни? Видите ли добро каждый день? Автор этой книги Ольга Савельева, блогер, мама, жена и благотворитель, не просто идет навстречу добру каждый день – она его ищет, рождает, делится им и дает уроки любви всем своим читателям. Искренние и честные рассуждения о важных и жизненных вещах – нужно ли помогать незнакомым людям, как научиться думать не только о себе, как дарить любовь и оставаться собой – близки каждому человеку и отзываются в каждом сердце.

В этих коротких рассказах сосредоточено столько любви и нежности, милосердия и неравнодушия, что невольно начинаешь видеть в людях больше хорошего и верить в добро.

Каждая история основана на реальных событиях – это сама жизнь, состоящая из мелочей, быта, разговоров, взглядов и улыбок, которая собирается в неповторимую мозаику характеров и поступков. Здесь есть место и переживаниям, и боли, и бескорыстной помощи, и, конечно, любви.

Прочитав эту книгу, вы узнаете:

[ul]Как совмещать работу, семью и участие в жизни других людей и при этом быть в гармонии с собой

Почему культивировать в себе хорошее – это талант

В чем смысл благотворительности

Что такое настоящая мечта и почему ее обязательно нужно реализовывать

Как разрешить себе проявлять эмоции[/ul]

Содержание

КНИГИ, КОТОРЫЕ ВДОХНОВЛЯЮТ	6
Введение	9
Басня	11
Блэк	16
Будущие взрослые	25
Бутерброд с редиской	29
Важное письмо	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Савельева

Попутчица. Рассказы о жизни, которые согревают

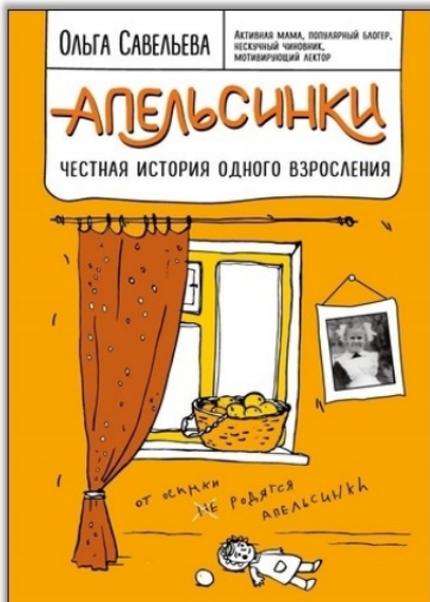
© Савельева О.А., текст, 2018

© Алейникова А.С., иллюстрации, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

КНИГИ, КОТОРЫЕ ВДОХНОВЛЯЮТ

Два сапога. Книга о настоящей, невероятной и несносной любви

Что делать, если жизненный свет исчезает под завалами проблем? Как сохранить веру в себя и свои силы? В этой книге Ольга Савельева, популярный блогер и автор бестселлеров «Апельсинки» и «Попутчица», делится секретами семейного счастья и искренней любви.

Апельсинки. Честная история одного взросления

Книга Ольги Савельевой – удивительная история взросления маленькой девочки, которая превратится во взрослую женщину прямо на ваших глазах. Искренние рассказы о непростых взаимоотношениях с родителями и о собственном опыте материнства не оставят вас равнодушными.

Ты поймешь, когда повзрослеешь

Потеряв отца, Джулия устраивается психологом в дом престарелых, чтобы спрятаться от своих проблем и разобраться в себе. Её история – это долгий путь к душевному исцелению, который покажет вам, как поверить в себя, перестать цепляться за прошлое и начать новую полноценную жизнь.

День, когда я начала жить

Домохозяйка Мари решает порвать с угнетающей рути-

ной и отправляется увлекательное путешествие вокруг света. Вместе с ней вы поймете, чего хотите на самом деле, и узнаете, как расстаться со старыми привязанностями, избавиться от страха и вырваться из замкнутого круга повседневности.

Введение

Мне кажется, Бог выбрал меня тренажером.

Он придумал испытания, которые нужно пережить, чтобы потом, когда все будет позади, я могла отдышаться и оглянуться назад на пройденную трассу сложностей, каждое препятствие на которой состоит из слез, неврозов, тревог, псориазов, бессонниц, нервов и искусанных в кровь губ, осознать какую-то новую истину и, окрыленная этим знанием, идти по жизни.

Мне сразу хочется писать о своих открытиях. Будто я что-то поняла, и этим знанием необходимо поделиться.

Я очень часто слышу от читателей две вдохновляющие меня фразы: «Оля, Вы написали про меня» и «Я не знала, как поступить, а тут Ваш текст, и он как знак. Теперь я знаю, что делать».

После этого у меня внутри поднимается флажок с надписью: «Не зря», и хочется написать еще много нужных и полезных текстов.

В этой книге я собрала коллекцию эмоциональных, ярких и добрых рассказов. Все это случилось со мной, моей семьей или близкими людьми.

Каждый рассказ – не просто рассказ. Это маленький тренажер для души. Таблетка добра. И даже если главный герой – не очевидно положительная личность, или описанные

события тревожны и неоднозначны, то все равно к кульминации долгожданное солнце взойдет на горизонте.

Многие из этих эссе прошли проверку качества. Они были опубликованы в моем блоге и получили мощный фидбэк от замотивированных ими на хорошие поступки людей.

Я поняла, что мы живем в дефиците добра и вдохновения, именно поэтому так важно иметь дома концентрированный источник положительных эмоций.

Эта книга – ваш личный добробук. Если вам грустно, тревожно и слякотно на душе, откройте ее: там, между страничек, гербарий из ваших потерянных улыбок.

Мне хотелось, чтобы вам было со мной уютно.

Я приглашаю вас в свое купе, и там за чашкой чая в красивом подстаканнике мы будем просто болтать за жизнь. Смеяться, грустить... Жить.

Проходите, пожалуйста. Не дует? Вам сколько сахара? Лимон положить?

Приятного чтения. Ваша попутчица.

Басня

Сделала сегодня макияж. Ярко накрашенные глаза. И накладные ресницы. Утром были съемки.

А сейчас я, не смыв косметику, бегу на родительское собрание в школу к старшему. Младшая со мной. В коляске.

Слышу, как меня окликает Таня. Таня живет через дорогу. Я замедляю шаг, жду ее.

– О, какая ты нарядная, – говорит Таня вместо приветствия, намекая на макияж. И добавляет: – Все стрекозишь?

Стрекоза в басне Крылова лето красное пропела. Оглянуться не успела. Таня намекает, что я стрекоза. И я как бы пою. Хлопаю ресницами и взлетаю. В то время как она, Таня, муравей. И пашет, света белого не видя. Таня работает мамой троих детей.

Работающие и неработающие мамы – это два лагеря. Они, пока не произойдет ротация из одной группы в другую и обратно, проповедуют разные ценности. Как автомобилисты и пешеходы. Пока ты пешеход, ты уверен, что эти понторезы на тачках прут на таран и плюют на зебру, по которой ты красиво шагаешь. А как только садишься за руль, сразу думаешь, что все пешеходы – это зазнавшиеся черепахи, которые будто специально ползут по зебре перед твоим лобовым стеклом. Так и мамы.

Работающие уверены, что они пашут на износ и их участь тяжела и неподъемна.

Неработающие уверены, что сидеть дома с детьми – самая сложная работа на свете, потому что в ней много рутины.

Кашу вари, попу мой. А все эти офисные барышни – просто кокетки и вертихвостки.

Я принадлежу сразу к обеим категориям. И могу судить. Поэтому считаю, что глагол «стрекозить», да еще сказанный таким снисходительным тоном, точно не про меня.

Чтобы «пострекозить» сегодня на съемках, я встала в шесть утра. Приготовила завтрак, собрала и отправила в школу сына, подняла, накормила, собрала дочку, доехала с ней по пробкам до студии, сделала мейк, прическу, отснялась с маленьким своенравным ребенком.

Это была фотосессия для проекта об особенных детках, о том, что жизнь в статусе «инвалид» продолжается. Сейчас, пока я в декрете, писать – моя основная работа. Я лидер мнений, и мне важно говорить правду. Мне есть что сказать этому миру.

Потом дочка заснула в машине, мы приехали домой, и я затащила ее прямо в кресле в квартиру, а пока она спала, приготовила обед и написала пост для блога.

И вот сейчас, пока мультиварка без моего участия доваривает суп, я уже бегу за сыном. И да, я не успела умыться, поэтому бегу с вечерним макияжем. Я выпила первую чашку

кофе в шесть утра. Вторую я пью сейчас. И ничего не ела. Потому что некогда.

– Стрекозю, Тань, – отвечаю я. Как говорила Зинаида Гиппиус, если надо объяснять, то не надо объяснять.

– А у тебя как дела? – спрашиваю я вежливо.

– Да нормально. Вот бегу сдать анализ Колькин в лабораторию.

– А что, Коля заболел? – участливо спрашиваю я. Коля – средний сын Тани.

– Нет. Просто у него такой твердый кал. И кругляшками. Я не знаю, это нормально?

Я задумываюсь о том, что совершенно не интересуюсь продуктами жизнедеятельности, производимыми моими детьми. Я не знаю их твердости и консистенции. По меркам Тани, я плохая мать. Все трое Таниных детей – несадовские. Это такой термин, означающий, что ребенок очень любит маму и не хочет ходить в сад. Я уверена, что несадовских детей не существует. Существуют несадовские родители. Это значит, что родитель готов придумать любой психологический термин и выдумать любой повод, чтобы не обрезать пуповину. Таня уже лет пять назад жаловалась мне на свою жизнь. Мол, не могу больше в этом конвейере засранных поп существовать. Не могу варить супы и читать потешки.

Я тогда как раз вышла на работу. Предложила Тане вакансию в министерстве. Это была самая низкая вакансия, на которую можно взять человека без стажа работы на госслужбе.

– Это с девяти до шести пахать за смешные деньги? – спросила Таня с пренебрежением.

– Видишь ли, вакансия министра занята, – съязвила я.

Мне хотелось напомнить Тане, что она за время декрета подрастеряла навыки и умения и вряд ли может рассчитывать на миллион на старте. Но я не стала тыкать ее носом в ее страхи. Просто решила больше ничего ей не предлагать.

Спустя еще пару лет Таня пожаловалась, что сейчас у них сложные времена и она ищет подработку, потому что снова беременна. Я обещала себе не помогать ей больше, но... она беременна.

Я предложила ей работу в компании, которая проводит соцопросы: нужно было обрабатывать анкеты. Это муторная и неблагодарная работа. Вбивать в табличку чужие ответы. Но платят хорошо.

– Так я глаза сломаю, – ворчливо сказала мне Таня, когда я озвучила функциональные обязанности. – Да и когда мне? У меня дети! Есть какие-нибудь нормальные предложения?

Я вздохнула. Я же обещала себе. Зачем полезла?

Сейчас Таня родила третьего. Не работает. То есть наоборот, работает на износ. Мамой. Муравьит.

Таня спросила у меня про подработку. Мол, у тебя там ничего нет?

– Нет, Тань, откуда? Я ж стрекозю, – сказала я и побежала дальше.

Вот такая басня.

Блэк

– Мам, – спросил сын перед сном, – а ты любишь Новый год?

– Конечно, разве есть люди, которые не любят праздники?

– А расскажи, как ты праздновала Новый год, когда была маленькая? Как все? Елка, мандарины?

– Да, – киваю я. – Как все.

И молчу. Я очень хорошо помню свое детство. Некоторые моменты так отчетливо, что даже страшно.

Я помню, как вздрогнула, когда полезла за конфетами, трогать которые мне запретили, потому что «это не Новый год», и меня окликнула бабушка.

Помню, как вприпрыжку бежала за дедулей по коридору, который казался мне, маленькой, очень длинным, споткнулась и больно-пребольно ударилась плечом.

А вот я сижу в ванне и смотрю на окошечко в кухню под потолком. На кухне бабуля печет что-то вкусное, и я знаю, что сейчас выйду из ванной и первая попробую вкусноту, и мне так хорошо, так тепло и вкусно...

Я помню эти зарисовки так явно, будто смотрю фильм, в котором снималась только вчера.

У меня мурашки от испуга – когда я ворую конфеты, у меня «болит» несуществующий синяк на плече, или я наяву ощущаю запах выпечки и пытаюсь понять: плюшки или хво-

рост?

Но вот я почему-то совершенно не помню елки, ни одной. Хотя их там, у дедули и бабули, должно было быть как минимум 13 (пока не переехала в Москву), из которых хотя бы десять я должна была запомнить.

Почему так? Где мой Новый год? Почему он растворился в памяти, будто ничего и не было? Я спрашиваю свою двоюродную сестру: там, в детстве, мы, одногодки, все праздники встречали вместе:

– Ты помнишь?

– Да, конечно, – кивает сестра. – Помню.

– Елка была, мандарины, салаты? Все было?

– Было, конечно!

Как же так... Почему я не помню... Как только я вспоминаю зиму, память сразу бросает меня к одной-единственной картинке. Всегда. Вспоминать ее почему-то очень холодно.

Мне лет девять, может, десять. Зима. Вечер. 31 декабря. Уже темно, горят сливочные фонари, идет пушистый снег. Люди спешат домой встречать Новый год. Я смотрю в окно. Мы живем на пятом этаже, и из окна у нас видна крыша магазина «Тысяча мелочей». Там, на крыше, на брошенном ящике для инструментов сжался Блэк.

Блэк – это черный дворовый котенок, любимец всех детей во дворе. Мы все его подкармливаем уже почти месяц. Он живет где придется. Часто ночует на этой крыше. Смотрит в чужие теплые окна и мерзнет.

Сегодня мы с сестрой носили ему суп – куриную лапшу. Он ел в подъезде, смешно лакал бульон маленьким красным язычком. А потом мы ушли домой, в тепло, а он пошел на крышу. Под снег. Встречать Новый год.

Мы с сестрой смотрим в окно, распластав ладошки по стеклу, и плачем. По-моему, мы наказаны, несмотря на праздник.

Прибежав домой с пустым лотком из-под супа, мы в очередной раз стали канючить и просить бабушку и дедушку разрешить взять котенка себе. Ну пожа-а-а-луйста. Ну хотя бы на новогоднюю ночь!

– Тысячу раз уже говорили вам – нет! Знаешь, сколько грязи от котов, он сейчас метить все будет, мебель драть, ковры, провоняет вся квартира. Нет и еще раз нет!

– Мы будем убирать, следить, мы приучим к лотку, – хнычем мы с сестрой. – Ничего не будет, ни грязи, ни шерсти...

– Да кого вы обманываете? Через неделю наиграетесь, а дальше мне скинете. Я сказала нет. – Бабуля непреклонна. – Только котов мне тут не хватало. Не трепите нервы.

– Опять скандал? – ругается дедуля. – Бабушку довели, вон валерьянку пьет! Ни стыда ни совести! А ну брысь к себе...

Мы поняли, что Блэк не будет жить с нами, давно уже поняли. Просто на улице мороз минус 18. Если Блэка взять на руки, он все время дрожит...

Мы с сестрой понуро смотрим в окно. За стеклом, в тем-

ноте, прикреплен и освещен градусник, шкала на котором предательски ползет вниз. Уже минус 20, и это еще не ночь. Значит, ночью будет еще холоднее....

Почему-то дальше я никогда не вспоминаю. Больно и холодно. Я убегаю от этих воспоминаний.

Сейчас я сама мама, у нас есть кошка. Я учу детей любить ее и заботиться о ней, потому что нельзя научить любить в теории. Любить можно только на практике: согреть, обнять, накормить, спасти.

А тогда... Надо вспомнить, чем все закончилось.

Помню, у меня текут слезы. Я вижу этот комок шерсти на ящике, сжавшийся, спрятавший лапки под себя. Блэк сидит под снегом, и из черного котенка давно превратился в белого.

– А ну-ка отлипли от окон! – велит дедушка.

Мы с сестрой покорно садимся на диван и смотрим телевизор, но я все равно вижу Блэка, не могу о нем не думать. Я иду в прихожую – там телефон – и набираю номер подруг – сестер Нади и Кати. Они обещали поговорить с родителями, вдруг те разрешат взять Блэка домой.

– Нет, – печально говорит трубка голосом Нади. – Нельзя.

– Ты говорила, что просто на одну ночь?

– Да.

– А про мороз говорила?

– Они знают про мороз.

– А про...

– Оль, нас с Катькой наказали за то, что мы «все нервы вытрепали с этим котом»!

– И нас тоже, – вздыхаю я и кладу трубку.

– Сейчас будем провожать старый год, – весело говорит дедуля. – Садитесь все за стол.

Мы садимся. У меня нет аппетита и настроения. Я не могу смотреть на стол, который ломится от еды, и на людей, которые сидят в тепле, в то время как там, в холоде, замерзает маленький черный котенок, который никому не помешает.

Я вздрагиваю от звона бокалов, взрослые смеются, что-то обсуждают. По телевизору идет «Голубой огонек». Одно слово – праздник. Я смотрю в одну точку. В окно.

– Так, вот вы, обе, сколько можно нам нервы трепать? – Вдруг дедушка ударил кулаком по столу.

Я вздрогнула, обернулась на сестру. Она тоже понуро смотрела в окно.

– Да что с ними делать? – вздыхает бабуля. – Ну пусть, что ли, заберут этого кота. Сил никаких нет уже... До завтра хотя бы... Замерзнет же...

– Правда? – Мы с сестрой вскакиваем, синхронно роняя табуретки. – Правда можно?

– Давайте, бегите, как раз полчаса до Нового года... – говорит дедуля, махнув рукой.

– Спасибо! Спасибо! Мы мигом. – Мы с сестрой срываемся с места, застреваем в проеме двери, на ходу напяливаем шапки, забываем шарфы, запрыгиваем в сапоги, хватаем

куртки и, еще не веря своему счастью, несемся вниз, перепрыгивая ступеньки.

Я почему-то плачу, но это уже от счастья, слезы такие хорошие, добрые, плачу и смеюсь, только бы успеть, только бы обнять, прижать к себе замерзающее тельце Блэка...

Мы выбегаем на мороз, распахнутые, толком не одетые, несемся к крайнему подъезду: там, если поставить друг на друга три ящика, можно влезть на крышу магазина «Тысяча мелочей».

Мы подбегаем к крыше, судорожно ставим ящики друг на друга, я подсаживаю сестру, а она потом помогает залезть мне.

Тут мы видим, что к нашим ящикам бросаются еще две тени, которые при ближайшем рассмотрении превращаются в сестер Надю и Катю.

– Разрешили! Разрешили! – кричат они, задыхаясь от бега и мороза. – Разрешили забрать Блэка!

– И нам разрешили!

– Мы своих довели....

– А мы – своих! – будто хвастаемся мы, протягиваем руки девчонкам, вытаскиваем их на крышу и вчетвером бежим к тому ящику, в котором нас ждет Блэк, не думая, как будем его делить.

Но его нет... Ящик пуст. Мы переворачиваем ящик, ищем котенка, бегаем по крыше, зовем... Нет, нет его... Мы плачем, все четверо. Нам кажется, что случилось самое худшее.

Мы забыли варежки, греем руки своим дыханием и рыдаем в голос. Где ты, Блэк?

Я задираю голову и вижу, как из окна нам машет дедуля. Мол, быстро домой. Нет так нет.

Мы понуро бредем к ящикам, по которым залезли на эту крышу, спрыгиваем вниз, бегаем по двору, пока окончательно не замерзаем, и разбредаемся по подъездам, даже не поздравив друг друга с Новым годом.

Как же так, Блэк?

Мы с сестрой входим в наш подъезд. За нами хлопает, ухнув, входная дверь.

Состояние – хуже некуда. Будто не праздник, а похороны. Вдруг на лестничной клетке нам под ноги бросается темный комок... Блэк! Это ты? Ты, Блэк, ура! Мы же сегодня кормили его супом прямо здесь, он, наверное, проголодался и пришел сюда, на вкусные запахи, погреться!

Мы хватаем котенка на руки, отбираем друг у друга, он насквозь мокрый, дрожит, начинаем его гладить и целовать в холодный нос.

– Бежим домой, а то уже Новый год, – торопит сестра.

Вбегаем в квартиру, веселые, заплаканные, счастливые, все трое, сестра заматывает малыша в теплое полотенце, а я остаюсь в прихожей и торопливо набираю сестрам.

– Он нашелся, Надя! Он у нас. Сам пришел, да! Уже в тепле, вон курочку ест. И вас, и вас с Новым годом!

В это время бьют куранты, все взрослые кричат «ура!», и

я громче всех кричу «уррра!»), хлопаю в ладоши и бегу всех обнимать, а потом почему-то ем оливье прямо из большой салатницы. Спасибо, спасибо! Ура, с Новым годом всех!

Я такая счастливая! Смотрю, как сестра кутает Блэка, прячет его от фейерверков, а он пугливо выглядывает из мохнатого полотенца – любопытно же! Сестра целует малыша, прижимает к себе, пытается накормить (а он объелся уже), а я... А я засыпаю. Все плывет перед глазами... Спать хочется.

Чувствую, как меня переносят на кровать, как с меня снимают свитер, и я падаю в подушку лицом и бормочу что-то про с Новым годом и про хорошие приметы.

А утром я проснулась первая. На моей кровати рядом с подушками спал Блэк. Я вскочила, взбудораженная и счастливая. Блэк с нами! И он вскочил. Проснулся, потянулся. И мы с ним тихо, чтобы никого не разбудить, пошли в комнату. То есть он пошел, а я за ним кралась – так интересно наблюдать за котом у себя дома, так здорово!

И вот он, обнюхивая все на своем пути, проходит кухню, вот минует шкафчик, из которого я воровала конфеты, вон коридор, где я ударилась плечом, вот проходит дверь в ванную, входит в комнату, где был праздничный стол, обходит его и... начинает играть с шариком, который висит на... елке! Помню! Я помню елку! У дивана стояла, в ведре! И звезду на ее верхушке помню – красную, как будто леденец. Еще помню, что я запретила Блэку играть с шариками, чтобы не разбить.

Иногда память услужливо прячет от нас болезненные воспоминания, а ведь за ними может быть спрятано настоящее счастье!

Вечером я в подробностях рассказываю эту историю сыну.

– А что дальше было с Блэком?

– Он так и остался у нас. В него невозможно было не влюбиться, и нам разрешили его оставить. Бабуля и дедуля его полюбили, так и жил с нами.

– Здорово. А при какой температуре замерзают кошки?

– Дань, ну ты как скажешь что-нибудь, – смеюсь я и целую его в лоб. – Спи давай.

И сын засыпает, укутавшись в одеяло и обнимая свою любимую кошку Ладошку, которую заботливо накрыл одеялом.

Чтобы не замерзла... Ведь при какой температуре замерзают кошки, я ему так и не сказала.

Будущие взрослые

На детской площадке стоит домик. Метровая избушка на курьих ножках. В ней всегда толпится много детей, потому что внутри – просторно и сказочно: резные окошечки, таинственный чердак.

Дочка Катюня немедленно ломится туда, в самую гущу веселья, бесстрашно ползет вверх по лестнице.

Я, естественно, ползу за ней.

В итоге оказываюсь в эпицентре детства. Сажу в ней на корточках. Рядом скачут дети всех возрастов – от трех лет до учеников начальной школы.

Три мальчика едят попкорн у окошка, хохочут, болтают. Две девочки смотрят мультик на телефоне. Малышня играет в куклы. Еще два мальчика ругаются из-за робота. Девочка в смешной шапке поет песенку про облака. Какофония...

– А что у нее на голове? – вдруг спрашивает мальчик, перемазанный мороженым, показывая на Катюню. На ее речевые процессоры от кохлеарной имплантации. Лакомство он съел, но личико не вытер.

– Это ее ушки. Без них она не слышит.

– А почему?

– Она заболела и потеряла слух из-за болезни. Ей не повезло.

– Вообще ничего не слышит? Даже если орать в уши?

– Вообще ничего.

– А почему эти штуки не падают с головы?

– Потому что под кожу вшиты магниты. Они и держат.

– Ей делали операцию?

Я замечаю, что наш диалог слушают все. Мальчишки перестали хрустеть попкорном, девчонки выключили мульт, больше никто не дерется из-за робота и даже песня про облака – белогривые лошаааадки – внезапно закончилась.

– Да, ей делали операцию.

– Ей резали голову?

– Ну, скажем так, ей под кожу вживляли специальный прибор, который помогает ей слышать.

– Ей было больно?

– Во время операции нет. Операция делается под наркозом, и это не больно.

– А мне аппендицит вырезали. Меня рвало три дня после операции.

– Это да. Самое сложное – отходить от наркоза. Ну и потом уколы всякие. Поэтому лучше не болейте.

Дети молчат. Слушают внимательно. Мне даже неловко, будто я погасила веселье, но есть и другая сторона.

Я благодарна детям за их прямоту и честность.

Это лучше, чем косые взгляды взрослых.

Иногда мне хочется подойти к такому взрослому человеку и сказать: хотите, я вам все объясню?

– А ей скоро это снимут? – спрашивает мальчик с робо-

ТОМ.

– Нет. Это теперь навсегда.

– Навсегда-навсегда? Даже когда вырастет и станет взрослой?

– Да. Она снимает их только на ночь. И спит глухая.

– А зачем на ночь снимать? – спрашивает девочка, которая показывала мультик на своем гаджете.

– Ну ты же заряжаешь свой телефон. Вот и ее приборы нуждаются в зарядке. А так как днем она всегда в них, ночью приходится заряжать.

– А она плакала? Ну, тогда, после операции? – тихо спрашивает девочка, которая пела. – После наркоза?

– Да. Она плакала.

Я не хочу врать. Дети молчат. Смотрят на Катюню. Сочувствуют. И вдруг мальчик у окошка протягивает ей свой попкорн. И второй. И третий. Третий мальчик трогательно так отобрал самые вкусные лопнувшие зернышки. Поющая девочка торопливо достает из кармана конфету. Еще одна девчушка отдает куклу. Мальчик с роботом протягивает ей робота. Катюня растерялась, смотрит на меня.

– Бери, – разрешаю я.

Это такой трогательный урок добра, что у меня накатывают слезы. Катюня осторожно берет зернышко попкорна и кладет его в рот.

– Спасибо, ребята. Вы все очень добрые. Это так здорово!

– Ой, а я съел мороженое... – расстроился перемазанный

мальчик. – А если бы не съел, я бы дал откусить... А может быть, и все бы отдал...

Я улыбаюсь сквозь слезы.

– Знаете, если бы она умела говорить, она бы обязательно сказала спасибо...

Катюня с роботом и куклой в руках поворачивается ко мне и улыбается ртом, набитым попкорном. Я прыскаю. Это очень смешно. Я рада, что ей предстоит взрослеть среди таких небезразличных детей.

Бутерброд с редиской

Бабушка очень вкусно готовила. Просто пальчики оближешь. При этом чем проще были продукты, тем вкуснее блюдо. Например, для перекуса на даче она готовила фирменные бутерброды с редиской. Для этого она брала свежий черный хлеб, смазывала его тонким слоем сливочного масла, на это солнечное одеяло укладывала кружочек редиски и посыпала солью. Ммм.

В детстве мне казалось это божественным. Редиска была своя, с грядки, яркая, сочная и негорькая.

Секрет вкусной редиски, рассказывала мне бабушка, в грамотном поливе. Воды не должно быть много – чтобы редис не стал водяным, но и не должно быть мало – чтобы он не стал «злым» и горьким.

Если бабушка варила борщ, это была яркая палитра цветов: багряная свекла, желтый лимон, белая сметана, зеленый укроп. Ну как такое есть? Только рисовать!

А окрошка? О, я до сих пор помню эту окрошку. У меня вкусные руки, как у бабушки, но мне ни разу не удалось повторить ее окрошку. Ингредиенты те же, вкусно, но не то...

Бабушка все умела. Все. Когда умер дедушка, она тяжело заболела и резко слегла. Врачи назвали ее болезнь специальным медицинским термином и дали неутешительный прогноз. Но я думаю, она просто не умела жить без дедушки. Не

видела смысла.

Лежачий больной в доме – это сложно. Это лампа для просушки пролежней. Это частые просьбы. Запах лекарств. Тяжелая атмосфера. Жизнь в ожидании завешенных зеркал...

А нам с сестрой по двенадцать лет. И мы за главных хозяек. На нас школа, уроки, дом, огород.

Мои родители в Москве, папа сестры работает. А мы совсем девчонки. Смотрим в окно и хотим гулять.

Но есть слово «надо», и оно важнее слова «гулять». Это был сложный период. Двенадцать лет – это прихожая юности, ожидание праздника. И смех без причины, и первые взрослые мысли... И все это смято бабушкиной болезнью. Скомкано, затерто ее стонами. Она стонала тихо, через закушенную от боли губу, и думала, что никто не слышит. Но мы слышали, и это рвало нам сердце.

В меня влюбился рыжий Сашка. Он был красавчик и чемпион области по прыжкам в длину. У него не было недостатков. Разве что он был слеповат, потому что иначе не объяснить, что из всех девочек в школе он выбрал меня: невзрачную, нескладную, в старой вытянутой кофте и курточке, перешитой из бабушкиного пальто.

Девчонки вокруг ходили в красивых нарядах, в джинсах, в юбочках с рюшками и уже подворовывали мамину косметику. Мне не у кого было подворовывать. И нечего. У меня были красивые волосы, спрятанные в толстую косу. И заплаканные от жалости к бабушке глаза.

Но Саша стал носить до дома именно мой портфель. И это существенно повысило мои рейтинги, прежде всего в собственных глазах. Я стала замирать у зеркала. Вглядываться. И что он во мне нашел? Саша нес мой портфель и просто шел рядом. Молча. И это было мучительно. Идти и молчать. Но разговаривать тоже не получалось. Сердце колотилось, слова застревали, произнесенные, и изматывали своей бесполезностью, и разговоры выходили натянутые и какие-то бессмысленные. И, казалось бы, раз все так сложно, мучительно, неинтересно, глупо, вообще не ходи за мной. А он ходил, и ждал, и страдал, когда я болела.

Я в тот день ждала Сашу. Он звонил, спросил, пойду ли гулять, и сказал: «Я сейчас зайду». Я сбегала к бабушке, открыла ей окно, поправила подушку, накрыла ноги одеялом.

– Бабуль, надо что-то?

– Нет, я посплю. Голова болит.

– Хорошо. Я гулять.

Раздался звонок в дверь. Саша! Я выпорхнула в прихожую, открыла дверь, сказала Саше: «Я сейчас», схватила курточку, крикнула в комнату бабушке: «Я пошла гулять!», схватила ключи и стала закрывать дверь.

Саша уже вызвал лифт и с лестничной клетки громко и весело что-то говорил мне про ребят во дворе, и вообще весна на улице...

– Оля! Оляяя. – Я услышала голос бабушки за секунду до закрытия двери. Она звала меня. Дверь захлопнулась. Но

я... Я слышала.

Я понимала, что надо открыть. И зайти. И разуться. И пройти в комнату. И спросить у бабушки, что случилось. Может, нужно просто воды? Или одеяло упало. Или книгу подать.

– Ну, ты идешь? – спросил Саша нетерпеливо.

И я... Я пошла. Пошла к Саше. Ушла гулять. Хотя слышала, как бабушка меня звала. Почему? Почему я ушла? Мне двенадцать. Мне пробило двенадцать. И жизнь не превратилась в тыкву, скорее наоборот: она расцвела.

Я влюбилась в первый раз и впервые задумалась о том, что я, возможно, совсем не гадкий утенок. В гадких утят не влюбляются чемпионы области по прыжкам в длину. Ведь так?

Мы гуляли почти два часа. Сто минут. Все это время я думала: что? Воды? Одеяло? Бутерброд? Открыть форточку? А вдруг ей было плохо? А вдруг она там... У меня внутри похолодело от страха.

– Саш, я домой.

– Почему?

– Мне еще уроки.

– Да ладно тебе, смотри, какая погода.

– Нет, я домой...

– Я провожу.

– Не надо.

Я влетела в подъезд как ошпаренная. Вызвала лифт, но он

забуксовал где-то на верхних этажах, и я стремглав бросилась наверх пешком. Дрожащими руками я открывала дверь, у меня неистово колотилось сердце.

– Оля, ты? – крикнула бабушка.

– Я! – крикнула в ответ и вбежала в комнату.

Бабушка лежала на кровати как ни в чем не бывало, смотрела в окно, встречала ночь.

– Налей мне супу, – попросила она. – Есть хочу.

Суп я сварила утром. Он был вкусный. Бабушка командовала, а я исполняла. Порежь картошку. Добавь морковь. Убавь огонь. Я все делала, как она говорила, и сварила чудесную куриную лапшу. Я подогрела и налила ей суп. Принесла в комнату. Помогла ей приподняться, удобно сесть и поесть.

– С Сашей гуляла? – спросила она.

– Да.

– Он старше тебя, аккуратнее.

– Хорошо.

– Вроде спортсмен. И учится хорошо. Но все равно. Двенадцать лет. Рано еще с мальчиками.

– Бабуль!

– Что бабуль? Я правду говорю.

Ну вот, все обошлось, ничего не случилось. Бабуля даже не вспомнила.

Прошло больше двадцати лет с того момента, а я часто возвращаюсь в него и проживаю все иначе.

Я говорю Саше «подожди» и открываю захлопнутую дверь. Захожу в квартиру и подхожу к бабуле: что, что, бабуль? И открываю форточку. И подаю воды. И выполняю любую пустяковую просьбу. А потом иду гулять. И смеюсь, и наслаждаюсь весной. Все сто минут.

Почему я ушла? Маленькая? Глупая? Эгоистичная? Влюбилась?

Найдите мне это чертово оправдание. Потому что без него эта моя жизненная запятая болит, и зудит, и магнитит меня своей необратимостью. Взрослая женщина в теле ребенка говорит строго: «Как ты могла?» – а маленькая девочка, лишённая детства, плачет и шепчет: «Ну я же не умею еще быть взрослой. Ну прости меня».

Это один из болезненных и безжалостных жизненных инсайтов: своевременность – вот главное свойство помощи.

Очень важно, чтобы вовремя. Бабуля после этого прожила еще два месяца...

Сегодня я купила редиску. И черный хлеб. И даже масло – хотя я сто лет не покупала сливочное масло. И я сделала все как надо, ну что там можно перепутать?

И вот я ем бутерброд с редиской. И мне невкусно. Мне никак. И хлеб не тот. И редис безвкусный. И бабули больше нет. И я никогда не узнаю, что она хотела в тот день.

Она никогда мне не снится, моя бабушка. Та самая, которая растила меня до двенадцати лет. Та самая, которую я

иногда случайно называла мамой. Прости меня, бабуль. Прости меня. Может, тогда и я смогу себя простить.

Важное письмо

Бабушка передо мной в очереди на почте отправляла письма. Настоящие, в конвертах. Много, штук шесть или семь. Мне стало интересно, кому эти письма.

– Бабуль, в наш век любое сообщение на другой конец света идет секунду. А вы пишете письма... Почему?

– Да... Сейчас все так быстро, мне уже не угнаться за вами. Я живу в своей скорости. Мир обгоняет меня. Но это ничего, я не тороплюсь.

– Я к тому, что если в этих письмах что-то важное, может, скорость звука будет очень кстати.

– Важное... Ну как важное... В принципе, там написаны какие-то мои новости стариковские.... Но главная новость – я еще жива. – Бабушка смеется.

– Тогда понятно. Это чудесная новость, и не важно, когда она доставлена, – соглашаюсь я. – Она всегда кстати.

– Да. Это вы, молодые, спешите. А я уже везде успела.

– Здорово. Простите мое любопытство, а кому эти письма?

Бабушка смотрит на меня, будто оценивает, можно ли доверить мне тайну. И вдруг начинает плакать. Прямо на почте.

Я растерялась. Опешила. Я не хотела ее обидеть.

– Ой, простите, простите меня... Я не хотела вас оби-

деть...

– Слезы без разрешения текут, – извиняется бабушка. – Воспоминания эти... Видите ли, я перед Девятым мая всегда пишу письма. У моей бабушки было четырнадцать детей. Четырнадцать! Представляете? Двенадцать богатырей и две дочки. Одна из этих дочек – мама моя. Богатырями сыновей дедушка мой называл. Так вот все двенадцать ушли на войну. А вернулся только один.

Бабушка закрывает лицо ладонями, пытается унять слезы. Я тоже плачу. Прижимаю к себе сына. Я даже представить не могу. Господи, не допусти войны...

– Дедушка тоже не вернулся. Он был летчик-испытатель. Это был вечный бой за души. Когда стоит выбор, я или Родина, выбора нет. Для них не было, понимаете?

Мы все, посетители на почте, молчим. Притихли. Слушаем. Понимаем ли?

Нет, не понимаем. Просто верим.

– Могилу своего отца я нашла спустя семьдесят лет. Воинский мемориал в Калужской области. Искали всем миром. Столько людей помогали... И могилы всех моих, кто... Я должна сказать им спасибо. И вот, говорю. – Она кивает на почтовый ящик.

Я поняла. Она пишет письма-благодарности всем, кто помогал искать могилы ее родных людей, погибших на войне, всем, для кого память – не просто слово.

Я переполнена эмоциями. Мне хочется обнять бабушку,

НО МНЕ НЕЛОВКО.

– Как вас зовут?

– Таина.

– Таина? Какое нежное и необычное имя...

– Да. Тайна, покрытая мраком. – Бабушка наконец улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.